

ДОСТОИНСТВО ТЕАТРА

- * Когда стыдливость — не добродетель
- * БЛАГОПОЛУЧНЫЙ СПЕКТАКЛЬ
- * КОЛЬЦОВСКИЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ

АКТЕРЫ уходили с просмотра растерянные, а члены художественного совета произносили на своем заседании гневные филиппики. Казалось, участь спектакля была решена. Кто-то, правда, заговорил о доработке, о возможности кое-что дотянуть, поправить. Но после всего сказанного прежде этому не придали значения. И напрасно — как выяснилось потом.

Афиш с новым названием в городе не появлялось. В текущем репертуаре, взрывшем на прохожих с высоты театрального фасада, этот спектакль не значился. Казалось, мнение художественного совета определило его судьбу. Но нет. Сначала с опаской повезли незадавшееся творение в клуб или пригородный дом отдыха. Потом — в другой раз, в третий. Ничего, обошлось... Хотя и неловко было, но по крайней мере конец сезона показали на своей сцене, в театре имени Кольцова. И на том самом шите с названием пьес, что, меняясь ежемесячно, висит на стене театрального здания, появилась новая строчка: С. Роднонов — «Допрос». А потом стала появляться еще и еще. Но шел спектакль не чаще одного раза в месяц — на большее не посягали: стыдливость не позволяла. Впрочем, она не мешала время от времени играть его на выездках.

И многие сотни людей смотрят, как два актера в течение полутора часов пытаются выкарабкаться из ситуации, в которой всего всталась — и пошловатости, и слащавости, и дурного вкуса. А выкарабкаться им никак не удается.

...Идет допрос. Предельно развязная и нагловатая Маша, развалившись на стуле, демонстрирует свои женские прелести, пытается задобрить следователя Рябинина. В конце концов ей это удается, но не упоминавшимися уже прелестями, а тяжестью своей судьбы и невероятным благородством намерений: воронка-рецидивистка, она оказывается, ворует деньги, чтобы... взять на воспитание ребенка из детского дома.

Конечно же, писатель, и постановщик руководствовались добрыми побуждениями: рассказать о доверии к человеку, о возможности его исправления даже на крайней ступеньке порока. А на деле получилось иное — пикантные обстоятельства жизни героини и ее повадки, вполне гармонирующие с этими обстоятельствами, оказались в фокусе и пьесы, и спектакля.

Где уж тут зрителю вникать в эти самые «добрые побуждения»? Он весь захвачен фейерверком подробностей обольщения Машей своих жертв — названных командировочных.

Ох, как трудно театру расстаться с подготовленным уже спектаклем! Ведь столько всего вложено в него — труда, волнений, надежд... Тем более, если он (как в случае с «Допросом») готовился группой энтузиастов сверх плана, по собственной инициативе...

И тем не менее нужно найти в себе мужество назвать плохое плохим (стыдливость, с которой демонстрируется этот спектакль, ничего не меняет в существе дела). Нет зрителей первого и второго сорта. То, что воспринято, как непригодное, непригодно в равной степени для всех — и для постоянных посетителей театра, и для тех, кто знакомится с его искусством на клубной сцене.

ДОПРОС на сцене Кольцовского театра — случай особый, из ряда вон выходящий. Тут все ясно, и едва ли возможна какая-то полемика на этот счет.

Гораздо сложнее отношение к ряду спектаклей, которые появились не так давно и занимают сейчас довольно видное место в репертуаре. Это «Телевизионные помехи» К. Сакони, «Жесткие игры» А. Арбузова и только что выпущенный «Старый дом» А. Казанцева. Добротная, а во многом и талантливая драматургия. Профессиональная, корректная режиссура. Актерские удачи. Положительные рецензии на эти спектакли — и те, что уже появились, и те, что еще появятся, — по-своему естественны.

Однако не менее естественно задуматься, насколько глубоки и своеобразны предложенные театром решения, насколько они художественно убедительны. И тогда вдруг обнаруживаешь, что каждая из этих пьес предоставляла значительно большие возможности для их сценической интерпретации.

...«Стоглавая гидра мешательства». Как далеки эти высокопарные и жесткие слова от добродушных и по-своему милых героев «Телевизионных помех»? Поглощенные своими буднями, во власти своих маленьких недостатков, обуреваемые маниакальной страстью к телевизору, без которого и жизнь, кажется, невозможна, — такими воистину комедийными простакими предстают они в этом спектакле. Но, может быть, благодушный смех — не единственная реакция, которую могут вызвать обитатели уютного венгерского дома? Может статься, что бездуховность, эгонистическая замкнутость в узеньком мирке личных забот, от которых ничто не может увести — даже чудо, даже невероятное, — заслуживает более остро, по-настоящему сатирического осуждения? Наверное. И тогда жанр спектакля с неизбежностью сдвинулся бы к более гротескному, острому и ироническому режиссерскому решению. А некоторые актерские работы обрели бы большее, стильное единство и согласованность с общим замыслом.

«Телевизионные помехи» по-своему знаменательны для кольцовской сцены. Это во всех отношениях благополучный спектакль, вызывающий интерес публики и решающий ту художественную задачу, которую поставил перед собой театр. Но задача эта далеко не исчер-

пывает ни возможностей пьесы, ни возможностей театра.

Думается, в каком-то плане тем же грешат и «Жесткие игры». Типичная для А. Арбузова мелодрама — выражение мечты о красоте, гармонии, добре и благородстве чувств. Перед нами сопеременные молодые люди, играющие в свои «жесткие игры». А «игры» эти (легкие связи, бездушные поступки, сумасбродные решения) наносят тяжкие раны.

Все это прочерчено в спектакле достаточно отчетливо (а в отдельных эпизодах захватывает и волнует), но прочерчено пунктиром. Актерам недостает психологической определенности. Человеческие судьбы не столько проживаются на сцене, сколько воссоздаются с помощью приемов, отчасти знакомых уже по другим работам театра, в которых заняты те же исполнители. И главное — в них не просматривается отношение театра к изображаемому. Более четкие моральные критерии имели бы, наверное, и более глубокий воспитательный смысл.

И еще один спектакль, в котором (как и в тех, других) тоже немало привлекательного и интересного, но тоже недостает той полноты выражения, о которой шла речь выше. Это «Старый дом». ...Послевоенное время. Огромная коммунальная квартира — неизбежная примета тех лет. Галерея образов — разных, противоречивых. Среди них — двое влюбленных, юных и трепетных. Они мечтают о будущем, которое совсем близко для них. Кажется, рукой подать, и вот оно — счастье. Но счастье само не дается. Оно дается устойчивым и целеустремленным.

Так возникает главная для этого спектакля тема — тема ответственности. Перед собой, перед близкими, перед теми, кто рядом. Героиня трогает своей душевной энергией, ясностью чувства, девической радостью ожидания. В ней замысел спектакля проявляет себя вполне убедительно.

Но жизнь молодых людей могла бы сложиться гораздо лучше, чем это происходит на самом деле. И вина здесь не столько в неблагоприятных внешних обстоятельствах (они вполне преодолимы — и театр не оставляет в этом сомнений), сколько в инфантильной переменчивости чувств главного героя, в той душевной раздвоенности, которая толкает его на измену любимой.

Но об этом последнем — о характере героя, о причинах содеянного им — только догадываешься из общей логики построения спектакля. Оба актера, исполняющие эту роль, лишь намечают то, что должно быть глубоко осознано и психологически достоверно сыграно. Неповторимая индивидуальность характера не окрашивает случившегося. Актеры оказываются смещенными. И ослабляется заявленная вначале мысль о личной ответственности человека за собственную судьбу.

ДВА года назад театру имени А. В. Кольцова присвоено звание «академического» — самое высокое, какое может получить в нашей стране театральный коллектив. Присвоено за художественные достижения, за живое чувство современности, за гражданский, публицистический смысл многих и многих работ.

«На дне», «Третья, патетическая», «Татуированная роза», только на днях показанные «Синие кони на красной траве» поддерживают добрую репутацию кольцовской сцены. Свообразие режиссерского прочтения, тщательность проработки всех элементов сценического действия, немалые актерские удачи (а среди них те, что принадлежат совсем молодым, с которыми театр много и увлеченно работает) — все это стало неприменным свойством лучших спектаклей театра.

Однако лучшими спектаклями, к сожалению, не исчерпывается его репертуар. И помимо прямых неудач (кроме злополучного «Допроса», назовем также «Под золотым орлом» Я. Галана), огорчает обилие «средних» работ. Огорчает благодушие, с которым они принимаются, отсутствие высоких критериев при их оценке.

Уровень, достигнутый кольцовским академическим, принес ему известность и любовь зрителей. Но его нужно поддерживать не только громким успехом спектакля, на который театр возлагает особые надежды, но и постоянной высокой требовательностью, распространяемой на весь репертуар, на каждую отбираемую для постановки пьесу, на каждую актерскую работу, независимо от того, кем она выполнена — молодым или многоопытным, маститым мастером сцены. И, конечно же, творческий уровень театра прежде всего — в его стремлении выразить в любом спектакле свою идейно-художественную концепцию, свое понимание жизни и искусства. Только глубокая и ясная творческая позиция может исключить элемент случайности, неточности, облегченности в трактовке сценического произведения. Она же поможет посягнуть на постановку классики, которая еще редкий гость в кольцовской афише.

Достоинство театра... Ни измерить, ни взвесить его нельзя. Но оно должно ощущаться во всем, что делается на сцене, — и в малом, и в большом. И в ответе за него не только тот или иной конкретный исполнитель или постановщик (именно поэтому здесь не назывались их имена), но и весь коллектив и его художественное руководство. Чувство общей и высокой творческой ответственности — вот залог незыблемого авторитета и достоинства театра драмы имени А. В. Кольцова.

З. НИКОЛОВСКИЙ.